

Летний вечерний воздух по идее должен был быть пропитан дневным нерассеявшимся зноем и влагой, но в ночь университетского выпускного вечера атмосфера оказалась наполнена совсем другим, куда более жгучим теплом.

Это было свойственное выпускным застольям, почти исступленное тепло, и свет хрустальной люстры, похожий на россыпь бриллиантов, отражался в пирамиде из бокалов шампанского, переливаясь медовыми оттенками.

В воздухе витали дорогие нотки красного вина, изящные, но смешанные друг с другом ароматы женских духов, а также царящая среди молодежи атмосфера гормонов, в которой смешались безудержный восторг, меланхолия и неопределенность перед лицом неизведанного людского моря.

Лу Сюминь забился в самый дальний угол полукруглого дивана в банкетном зале, прижимая кончики пальцев к ледяной стенке стеклянного бокала в тщетной попытке уловить хоть капельку прохлады.

Стоявший перед ним маленький круглый столик уже видел дно пятого бокала с янтарным виски-содовой.

Алкоголь, словно хитрая и послушная змея, скользнул вниз по горлу, медленно пробуждаясь и своргая кольца в желудке, и своими едва слышными шипящими звуками парафировал натянутые до предела нервы Лу Сюминя, до отказа разгоняя биение сердца, готового вырваться из груди и раздробить ребра.

Он был отличником с явным уклоном в гуманитарные науки: гуманитарные предметы давались ему легко и непринужденно; он мастерски умел выстраивать сочинения на высший балл из пышных и вычурных оборотов, мог сыпать именами и датами при взгляде на необъятную ленту исторических вех и без труда раскладывал по полочкам запутанную логику умозаключений из «Государства» Платона.

А точные науки? Их приходилось выводить раз за разом, и лишь когда наступал предел изнеможения, он ставил точку в своих запутанных отношениях с формулами и теоремами с помощью зубрежки, впрочем, все это не было неразрешимой проблемой.

Но сейчас, столкнувшись с тем самым делом, которое он мысленно прокручивал бесчисленное количество раз и которое все равно казалось ему до боли неуклюжим, все цитаты из классиков и изысканные метафоры в его голове превратились в липкую кашу.

Его взгляд пробился сквозь мельтешащие силуэты и мерцающий блеск нарядов, намертво впившись в изящную и статную фигуру неподалеку.

Чу Сяохань.

Этот человек казался безмолвной снежинкой посреди душной и шумной ночи: безупречная белая рубашка, тщательно застегнутые манжеты аккуратно закатаны до локтей, обнажая узкие запястья с четкими линиями.

Его окружило несколько сокурсников; он слегка подался вперед, прислушиваясь к чьим-то словам, а затем тронул уголки губ мягкой улыбкой и негромко заговорил.

Даже в обстановке, где само дыхание казалось горячей волной, он ухитрялся выглядеть чужеродно чистым и сдержанным, словно его окружало невидимое поле, ограждающее от любой суеты.

У Лу Сюминя и Чу Сяоханя было не так уж много точек соприкосновения. Впервые они встретились на осеннем легкоатлетическом марафоне на первом курсе: он переоценил свои силы и записался на три километра, а после финиша последнего круга рухнул у беговой дорожки от теплового удара. Именно Чу Сяохань поднял его с раскаленного пластика, дотащил на спине до медпункта, позвал дежурного врача и протянул открытую бутылку минеральной воды.

Позже их общение свелось к кивкам при встрече: они приветствовали друг друга, сталкиваясь в коридорах, а случайно пересекшись в библиотеке, задерживали взгляды на мгновение-другое... И только-то.

Но кое-что способно пустить корни в тишине и безмолвии гораздо раньше, чем эти вежливые и отчужденные кивки, прорасти, пустить побеги и развернуться в раскидистое дерево, что затенило все тайные порывы его юности.

Например, то мгновение, когда Чу Сяохань помогал ему поднять упавший томик «Ста лет одиночества» в зале общественных наук на втором этаже библиотеки, а его прохладные пальцы случайно мазнули по тыльной стороне ладони Лу Сюминя;

Или дождливый день, когда он выходил из учебного корпуса, а Чу Сяохань как раз проходил мимо с черным зонтом в руках и молча прошел с ним под общим козырьком зданий, чуть наклонив ручку зонта в его сторону, из-за чего его собственное плечо промокло насквозь.

Романтика гуманитариев скрыта и бурна: Лу Сюминь исписал имя Чу Сяоханя в запертом на замок дневнике, растратив все доступные ему эпитеты, метафоры и бурные фантазии, но так и не осмелился произнести хоть слово. Он не мог позволить ему узнать, что все эти строки были величественным и безмолвным замком, который Лу Сюминь возвел в полном одиночестве.

— Ну что, наш великий ученый, чего это ты забился в угол? Какое-то грандиозное творение человечества обдумываешь? — нехстати подсел закадычный друг Фу Юньчжэн, от которого разило табачным дымом и алкоголем, и по-свойски закинул руку ему на плечо.

Лу Сюминь резко очнулся, машинально провел ладонью по горящим щекам, пытаясь сделать

вид, что всё в порядке, поднес к губам пустой бокал и отвел блуждающий взгляд:

— Я... я размышляю об окончательном векторе развития человеческой цивилизации.

— Брось заливать! — расхохотался Фу Юньчжэн и тут же щедро плеснул золотистой жидкости в пустующий стакан перед ним. — Сегодня выпускной, а завтра мы разлетимся кто куда, черт побери! Дороги разойдутся, и ищи ветра в поле! Хватит нести всякую чушь, делай то, что хочется! Трус! А ну, давай чокнемся!

Стекло звонко и резко столкнулось с другим стеклом.

Лу Сюминь уставился на бурно плещущееся в бокале спиртное: в его янтарном блеске отражалось его собственное размытое, искаженное лицо, полное решимости поставить всё на кон.

Он подумал, что Фу Юньчжэн прав: завтра Чу Сяохань, судя по всему, уедет делать карьеру в Пекин, а он отправится грызть гранит запутанной истории литературы в Шанхай.

Между ними лягут тысяча двести километров, между ними пролягут Янцзы и Хуанхэ, и те слова, что так и не сорвались с губ, навсегда останутся лишь незаживающим следом на дне души.

Он не мог позволить этому превратиться в сожаление, пусть даже его отвергнут — это всяко лучше, чем если бы о его чувствах так никто и не узнал.

Алкоголь наделил его беспрецедентной храбростью, или, вернее сказать, долей безрассудства камикадзе, ничем не уступающей битве Дон Кихота с ветряными мельницами.

Он глубоко вздохнул — этот вдох был до предела насыщен приторным запахом бродившего алкоголя — и поднялся на ноги, словно отправляясь на predetermined плахой место казни или спеша навстречу величайшему триумфу в своей жизни.

С бокалом в руке он двинулся сквозь шумную пеструю толпу; каждый шаг казался стуком по облакам — зыбким и нереальным, а окружающий гомон и смех словно заслонило матовое стекло, превратив в глухой и далекий гул.

Наконец он остановился перед Чу Сяоханем.

Шум вокруг словно замер по нажатию кнопки паузы.

Чу Сяохань повернул голову, и его чистый взгляд в переливах разноцветных огней показался на редкость глубоким. Он посмотрел на Лу Сюминя с легкой ноткой недоумения:

— Лу Сюминь?

Как же красиво звучал его голос — будто нефритовые подвески звенят на ветру, чистый и звонкий.

Лу Сюминь открыл рот. Заготовленная тысячу раз речь перекатилась на языке трижды — от банального «рад знакомству» до «желаю блестящего будущего», — но в итоге вся она потерпела сокрушительное поражение, превратившись в самую прямую, неуклюжую и обнаженную фразу.

Он поднял бокал, и от двойного удара — волнения и алкоголя — пальцы слегка задрожали, а голос охрип до предела:

— Чу Сяохань, я... я люблю тебя. И вовсе не как друг. Я люблю тебя... с самого первого курса.

От громкого признания, выкрикнутого под воздействием хмеля, он быстро перешел к испугу — голос сделался настолько тихим, что горло даже не вибрировало, а накатившие гигантские волны жуткого стыда и страха вмиг захлестнули его ледяным цунами.

Он не смел поднять глаза на собеседника и уставился в упор на маленькую черную бабочку у ворота рубашки Чу Сяоханя, на которой, казалось, еще сохранился холодок кондиционеров актового зала.

Вокруг царил мертвая тишина, время словно застыло.

Несколько секунд спустя он услышал мягкий голос Чу Сяоханя, в котором проскользнуло едва заметное удивление:

— Лу Сюминь, ты напился.

Эта фраза прозвучала как крошечная игла, проткнувшая надутый шарик храбрости Лу Сюминя. Он резко вскинул голову, столкнувшись взглядом с безмятежными глазами Чу Сяоханя.

В них не было ни отвращения, которого он так боялся, ни удивления, ни даже неловкости — лишь пугающее его... чистое любопытство, словно тот наблюдал за каким-то занятным физическим явлением.

— Я не пьян... — только попытался возразить он, как на него обрушилась еще более мощная волна головокружения, способная вывернуть желудок наизнанку.

Последствия обильного возлияния прорвались наружу: перед глазами всё поплыло и

завертелось. Лицо Чу Сяоханя, окружающие огни, качающиеся силуэты людей — всё смешалось в опрокинутую палитру красок, пеструю, но рассыпающуюся на осколки.

Его последним воспоминанием стало то, как к нему протянулась чистая, точеная рука с отчетливо проступающими суставами — кажется, она хотела поддержать его падающее тело, — а также долетевший откуда-то из другого мира смутный обрывок фразы:

— ...Сначала проводите его отдохнуть.

Затем теплая и липкая темнота окончательно поглотила его, но в самую последнюю секунду перед тем, как сознание погасло окончательно, Лу Сюминь почувствовал, как в области желудка разрывается раздирающая боль, которая взметнулась по позвоночнику прямым к макушке.

Силуэт в белом халате и переплетающиеся сине-белые огни застыли на месте.

<http://bllate.org/book/19732/1940305>